

29 мая
в 19 час. 00 мин.
в Кремлевском
Дворце съездов
состоится
авторский вечер
поэта. На сцене
он будет один.
Но за ним —
слава

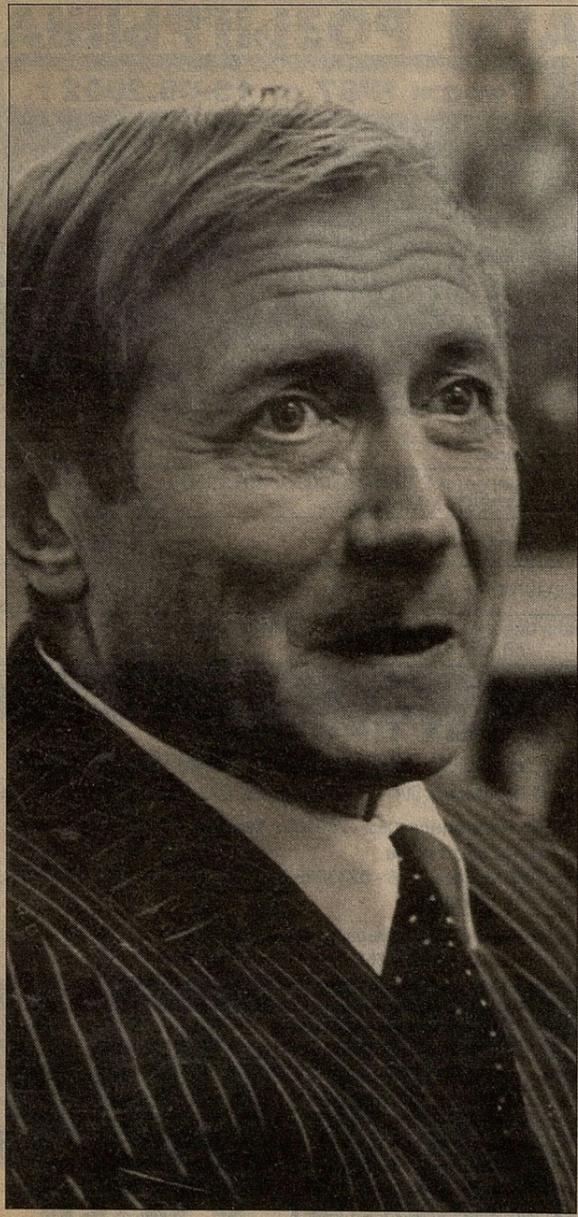
Видимо, творец в последнюю секунду второпях перепутал склянки и впрыснул в кровь жажду слова вместо жажды власти. В результате на свет появился не запланированный вождь, а поэт, но с энергией и качествами вождя.

Евгений Евтушенко по своей природе не умеет мыслить и оперировать обычными человеческими масштабами. Если слава — то сразу мировая, да чтобы в один день, и желательна за единственное стихотворение. Если конфликт — то с руководителем империи, если дружба — то с ним же или с каким-нибудь очевидным гением. Если антология русской поэзии — то за десять веков. Если рукопись — то весом в полсотни килограммов. Если открытый урок — то для десятка тысяч школьников. Это могло бы испугать, когда бы с такими мерками — только к себе, любимому. Но:

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как истории планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...

Евгений ЕВТУШЕНКО:

САМ СЕБЕ НАЗНАЧИЛ ПЯТЫЙ ПЕНАЛЬТИ

Из личного архива Евгения ЕВТУШЕНКО

Евтушенко в верности масштабам времени и нравы — не указ: 29 мая в Кремлевском Дворце съездов, вмещающем больше 7 тысяч зрителей, состоится творческий вечер поэта. На дворе — третье тысячелетие. В России — рыночная экономика. Не страшно, Евгений Александрович? Об этом мы его спросили в редакции «Новой газеты» за накрытым столом.

— Я не боюсь людей, для меня естественно — выступать. Господи, где я только не выступал! От избы до стадиона. От залузанного семечками зиминского перрона, на котором я восьмилетним пациентом пел в сорок первом солдатам за кусок хлеба, за мягкие рублевки «Кирпичики» и «Где-то в старом глухом городишке Коломбина с друзьями жила...», до балкона, с которого последний раз обращался к народу Сальвадор Альенде, над чилийской площадью, заполненной двадцатитысячной толпой, во время открытия памятника Альенде, кстати, еще при Пиночете. Но я знаю, и как толпа может быть страшна.

В Штатах в период холодной войны с меня содрали профессорскую мантию, бросали на сцену дурно пахнущие бомбы. В 1954 году меня сдергивали со сцены в Ленинграде, когда я приехал на выступление, организованное Рейном: «Стиляга... где твои мозоли?!» — всего-то навсего из-за туфель «утигов», с трудом добытых, самопальных, не итальянских, но жутко модных.

Когда меня отправили служить (а армейские ненавидели мою песню «Хотят ли русские войны» как деморализующую армию, ПУР сна-

чала не пускал ее в народ, а потом александровский ансамбль пел по всему миру), перед отправкой меня пригласили для разговора: куда бы я хотел попасть. Я по совету Миши Луконина сказал: куда угодно, только не в Грузию — потому что именно туда мне хотелось больше всего. Прием сработал, меня послали в Грузию.

Там меня встретили замечательный полковник Головастикив, редактор армейской газеты, и командующий — генерал Стученко. Представляете, что было в части, когда туда позвонил адъютант командующего с приглашением рядового Евтушенко на день рождения генерала? Днем рождения дело не кончилось, Головастикив устроил мне та-

кие-то картины молодых авторов? Но неужели те, где вас изображают то среди колосьев, то в цехах в откровенно, извините, идиотическом виде, лучше? Если Эрнст в чем-то не прав, ну хорошо, он исправится...» «Горбатого могила исправит!» — свекольно багровея, заорал Хрущев. «Нет, Никита Сергеевич, — ответил я, — прошло то время, когда людей исправляли могилами». И тут поднялся вой: «Позор! Позор!». Громче всех завывал Михалков.

Я сидел рядом с Хрущевым и микрофоном. Вдруг он оглядел зал, поднес ладони буквально к моему лицу и зааплодировал тяжелыми, медленными, с паузами хлопками: «Да, это время не вернется». И тут же зал как ни в чем не бывало подхватил державные аплодисменты. Громче всех хлопал Михалков.

А потом Никита Сергеевич позвонил ночью откуда-то из-за границы и пригласил на новогодний банкет в Кремль: «Мы там обнимемся, и от тебя отстанут».

И вот праздничный вечер в Кремле. Хрущев прилично выпил: «Я вот думаю часто, как раз и навсегда избавиться от бюрократии? Столько к партии понапили карьеристов, и я их всех ненавижу. У меня есть идея, не знаю, как к ней относятся Политбюро и мои товарищи. Может, отменить Коммунистическую партию и просто объявить весь наш народ народом коммунистов? А теперь я хочу услышать мою любимую песню «Хотят ли русские войны». Это была прелюдия к нашему объятию. И действительно, ко мне следом подкрался советник: «Будьте готовы, сейчас к вам подойдет...» И Хрущев подошел и обнял: «Давай, давай, пройдемся, чтобы они видели, чтобы тебя не трогали...»

Едва отошел, подбежали Брежнев, Ильичев, Косыгин. Юра Гагарин шепотом говорит: «Надо выпить». Тихо принесли водочку, тихо налили, тихо опрокинули.

Всякое было... Был переполненный зал клуба в Братске ранней весной 1964 года. Там сидели много женщин с детьми. Я уже знал: это матери-одиночки. Яслей не хватало, а оставить ребенка не с кем. Когда я первый раз приехал на ГЭС собирать материал, был очень солнечный день, ни одного облачка, и вдруг мне на макушку точно дождик пролился. Я запрокинул голову и увидел над собой гигантский кран и крановщицу с младенцем на руках. Большая стройка — это всегда огромное количество матерей-одиночек.

И вот я читал целую огромную поэму «Братская ГЭС», это длилось часа три с половиной без пауз. А когда закончил главу «Нюшка», написанную от имени бетонщицы как раз о таких матерях, словно по неведомому сигналу, женщины в разных концах зала подняли своих детей. У меня перехватило горло. Это была самая главная награда за всю мою жизнь. С тех пор и поныне.

...А еще был в 1949 году Сокольнический парк, куда меня пригласили выступить на Дне физкультурника после дебюта в «Советском спорте». Мне только-только исполнилось шестнадцать. Со мной была девушка, одесситка, актриска, нарядная, красивая и по уши влюбленная... в мои стихи. Я даже ей писал:

Но я не хочу, чтобы
так было
Та-та-та... та-та-та-ти,

Чтобы ты не меня
любила,
А только мои стихи.
И порою мне хочется
в горе
Позабыть все песни свои,
И бросить стихи эти
в море,
Как ключи от твоей
любви.

Она мне специально на это выступление сшила рубашку и галстук, золотой, переливающийся. Когда мы вошли под своды парка, из всех репродукторов звучали мои строки! Они были смешными, они были очень плохими — те стихотворения. А девушка была необыкновенной, и тот летний день был необыкновенным.

А помните такую контро-ру: Бюро пропаганды художественной литературы? Смешное название, но там работали хорошие люди. В стране был замечательный чтецкий цех. Чтецы ездили по заводам, районам, образовывали, подготавливали публику. Это было великое дело — афишные концерты.

Теперь все исчезло. В Америке подобные организации сейчас процветают. Когда-то они ездили к нам и завидовали. Нынче же у них в каждом университете есть ставка поэта, запланированы бюджетные деньги на приглашение писателей. Поэты получают грант за грантом. У нас, наоборот, ни театра поэзии, ни на это денег, ни профессионалов — организаторов поэтических вечеров. По моему убеждению, это все должно существовать и поддерживаться государством. В конце концов, настоящая демократия — когда государство поддерживает искусство, но не контролирует его. Разве Швеция роется в сценариях Бергмана, субсидирует его? Или Франция контролирует Иоселиани? Повезло у нас лишь театрам. Модные сцены подпитывает финансовая элита. Почему? Где-то же надо их женам демонстрировать туалеты. А литература... в ней не потусуешься.

В Америке после 11 сентября меня потряс визит в одну пожарную часть. Там много погибло пожарных. Возле нее — горы цветов, а на стене — стихи, стихи, стихи, неумелые, искренние, может быть, написанные впервые. Я стоял у этой стены весь зареванный и еще раз понял необходимость поэзии.

Я получил достаточно славы при жизни. Даже чересчур. Володя Соколов однажды сказал: «Женя, не понимаю, зачем тебе нужны женщины — у тебя такая богатая фантазия». Но — нужны... По-прежнему нужны. И женщины, и слушатели.

Недавно в ресторане «Пушкин» подошел ко мне человек с четырьмя амбалами за спиной. Спросил: «Вы помните ваши стихи «На танках расцветают розы лишь для такого вратаря»? — «Конечно, помню». — «Спасибо за них». — «А кто вы? Чем занимаетесь?» — «Зачем вам это? Спасибо за стихи...» И удалился вместе с амбалами.

Дворец съездов — трудная площадка. Я двенадцать лет назад выступал там, и тоже один весь вечер, и знаю, о чем говорю. Но провал не провал — я буду стоять в своих воротах в любую погоду. А знаете, между прочим, из меня мог бы получиться хороший голкипер. Однажды я взял за игру четыре пенальти.

● Записала
Арина ЯКОВЛЕВА

Евг. Евтушенко о художнике А. Бибине см. стр. 18

Евтушенко о Советском Союзе

26.5.02